

Стратегия воздействия

Автор:

Макс Глебов

Стратегия воздействия

Макс Алексеевич Глебов

Запрет на вмешательство #3

Петр Нагулин выяснил, наконец, отношения с НКВД и, как ему кажется, убедил руководство СССР в своей лояльности. Однако новая должность принесла ему и новые проблемы. Сейчас он в Москве, пока еще расположенной вдали от фронта, но старший лейтенант госбезопасности не может спокойно наблюдать, как в Киевском котле погибают сотни тысяч окруженных красноармейцев, и выходит к начальству с предложением, которое в очередной раз ставит его дальнейшую судьбу под большой вопрос.

Макс Глебов

Стратегия воздействия

Глава 1

Контрудары сороковой и двадцать первой армий не имели никаких шансов на успех. Сильно ослабленные в предыдущих боях за Киев, они даже после пополнения не обладали достаточной пробивной мощностью для того, чтобы прорвать кольцо окружения и вновь открыть коридор к остаткам трех попавших в котел армий. Однако это был тот самый случай, когда победить невозможно, но вступать в бой все равно надо – о том, чтобы оставить погибать в котле

двести тысяч человек никто в Ставке даже думать не хотел.

Вычислитель бесстрастно выдавал сухие цифры расклада сил. Специальных программ для прогнозирования исхода сражений в его памяти не имелось. Они остались на лунной базе, где мне с легкостью рассчитали бы вероятность успеха каждой из сторон, оптимальную стратегию и тактику за обоих противников и математическое ожидание потерь. Тем не менее, кое-какие оценки можно было сделать и с помощью имевшихся в моем распоряжении средств.

Времени на то, чтобы разбираться с управлением спутниками у меня оставалось не так много, но я старался его все-таки находить. Дело продвигалось с ощутимым скрипом. Если в инструкциях мне что-то оказывалось непонятно, а такое случалось довольно часто, попросить помощи было не у кого. Мое базовое образование совершенно не предназначалось для решения тех задач, которые я перед собой ставил. Интерфейс управления спутниками подразумевал наличие у оператора знаний определенного уровня, и инструкции тоже рассчитывались на людей, этими знаниями обладавших. В результате некоторые термины я просто не понимал. Вычислитель спасательной капсулы в отдельных случаях умудрялся помочь мне, давая справочную информацию, но его базы данных тоже составлялись не для управления научными спутниками, и уж тем более не для помощи пилоту в создании программ для анализа боевых возможностей армий докосмической эры.

Основам программирования меня учили. Считалось, что как пользователь многочисленных симуляторов космического боя, пилот должен иметь представление о том, как они работают. Никто, понятно, не рассчитывал на то, что я полезу в исходный код менять под свои цели какие-то параметры или искать недокументированные возможности программ, но разработчики учебного курса считали, что принципы принятия решений вычислителем должны быть мне понятны хотя бы в общих чертах.

Предмет, казавшийся мне поначалу совершенно бесполезным, неожиданно меня заинтересовал, просто как неплохое упражнение для мозга, и я даже на какой-то период им увлекся, чем сильно удивил руководителя учебной части. Потом, за текущими делами, я забросил это занятие, но кое-какие навыки остались, и теперь я был искренне рад тому давнему увлечению.

Моим непосредственным начальником стал старший майор госбезопасности Судоплатов – фигура, пользовавшаяся в наркомате Берии огромным авторитетом

и почти безграничным доверием, заслуженным опасными, но убийственно эффективными операциями по устранению главы украинских националистов Евгения Коновальца и личного врага Сталина Льва Троцкого. Честно говоря, я Судоплатова опасался, и мне не хотелось сообщать ему результаты моих размышлений, заставлявших меня весьма скептически смотреть на идею деблокады окруженных под Киевом войск ударом сороковой и двадцать перовой армий. Вот только обвинения в пораженческих настроениях мне и не хватало.

Однако просто заниматься текущими делами, наблюдая за тем, как одна за другой проваливаются попытки контрударов, я не мог. Вообще, я понял для себя одну простую вещь – эта война постепенно перестает быть для меня чужой. Раньше в качестве своих я воспринимал только непосредственно окружавших меня красноармейцев и командиров, с которыми вместе шел в бой, но чем дальше, тем больше я начинал понимать, что это понятие стремительно охватывает все большее и большее число людей. В какой-то момент своим для меня стал взвод ПВО, потом весь сводный батальон генерала Музыченко, дальше в эту же категорию попала трехсотая дивизия, артполк подполковника Цайтиуни, а теперь, похоже, и весь Юго-Западный фронт, разорванный сейчас немцами на две части и разделенный на окруженных и тех, кто оказался вне котла.

Мне стоило немалых трудов заставить работать в связке искусственный интеллект, оставшийся в спасательной капсуле, и бортовые вычислители спутников. До разрушения лунной базы они никак между собой не взаимодействовали, и считалось, что взаимодействовать и не должны. Теоретически, имеющиеся у меня коды доступа позволяли подружить между собой эти устройства, но на практике я возился с этой задачей много часов. Зато теперь обучение искусственной нейронной сети, созданной мной для моделирования действий русских и немецких армий, происходило гораздо эффективнее. И главное, процесс этот не требовал моего непосредственного участия. Прямой доступ к базам данных сети спутников позволил вычислителю капсулы черпать оттуда все необходимые сведения о ходе сражений и маневров, практике применения того или иного оружия, способностях и умениях командиров, в общем, все, что требовалось скормить нейронной сети для ее тренировки на исторических данных.

Саму нейронную сеть я, конечно же, создавал не с нуля. Такой объем программирования был бы мне просто не по силам, да и не справился бы я с этой задачей с моим уровнем квалификации. На мое счастье интерфейс пользователя

сети сателлитов предлагал большой выбор готовых блоков, из которых, как из деталей конструктора, можно было собирать нужные мне программы. Конечно, какими-то основами этого процесса владеть все же требовалось, и, как оказалось, моего уровня подготовки едва хватило – задачка мне попалась весьма нетривиальная.

Обучение сети заняло трое суток. Я проверил результат и убедился, что при тестировании на уже отгремевших сражениях моя программа дает вполне приемлемые по точности прогнозы. Оставалось надеяться, что и с прогнозированием хода предстоящих битв она тоже справится.

Как я и опасался, Судоплатов видел в моих способностях, прежде всего, отличную возможность для формирования сверхэффективного диверсионного отряда. Возможно, он даже смог убедить Берию в том, что именно так и нужно нас использовать. Во всяком случае, все первые дни нас обучали именно по программе подготовки диверсантов.

Меня это, естественно, не устраивало. Я не собирался всю войну бегать по немецким тылам, взрывая мосты и захватывая «языков». В принципе, против такого использования моего отряда я ничего не имел, но только в качестве одного из направлений, причем вспомогательного, не более. Однако подходящего момента для выяснения отношений с новым руководством не подворачивалось, да и весомых аргументов у меня не имелось. Теперь же, после провала нескольких попыток деблокады окруженных, они появились.

– Товарищ старший майор госбезопасности, разрешите обратиться, – остановил я своего непосредственного начальника после очередного инструктажа.

– Слушаю вас. – Судоплатов был не в духе. Видимо, дела на фронте не располагали к оптимизму.

– Насколько я могу судить, попытки пробить коридор к окруженным под Киевом войскам пока не принесли положительных результатов, – негромко произнес я, чтобы кроме нас моих слов никто не слышал. – Сороковая и двадцать первая армии, я полагаю, были вынуждены отойти на исходные позиции, а то и отступить дальше на восток...

– Откуда вам это известно, старший лейтенант? До вас текущее положение на фронте не доводилось, – остро посмотрел на меня Судоплатов.

– Товарищ Берия несколько дней назад показывал мне карту района Киевского котла с актуальной на тот момент обстановкой. Я много думал на эту тему и пришел к выводу, что имеющихся у нас сил совершенно недостаточно для прорыва кольца окружения.

– Даже если это так, какое это имеет отношение к нашим текущим задачам, старший лейтенант? К чему вы все это мне говорите?

– Самое прямое, товарищ старший майор госбезопасности. Если вы уделите мне десять минут, я все объясню, но лучше делать это не здесь.

– Хорошо, идемте. В моем кабинете нам никто не помешает, – ответил Судоплатов и быстро зашагал по коридору.

Пока мы шли, я еще раз разложил по полочкам детали плана, родившегося в моей голове сегодня утром, и окончательно обсчитанного вычислителем как раз к концу занятия.

– Как я понимаю, у вас есть какие-то конкретные соображения, – произнес Судоплатов, усаживаясь в кресло за своим столом и жестом предлагая мне занять одно из мест для посетителей. – Времени у меня немного, так что переходите сразу к делу.

– Есть две основных проблемы, которые не дают сороковой и двадцать первой армиям достичь успеха. Это преимущество противника в подвижности и в средствах связи. Немцы замкнули кольцо с помощью моторизованных соединений. Кроме того, у них хватает и пехоты из армии Вейхса и из накопленных на Кременчугском плацдарме пехотных дивизий. В результате, любой намечающийся успех наших войск противник достаточно легко сводит на нет быстрой переброской танков и артиллерии на угрожаемый участок.

– Это не новость, – пожал плечами Судоплатов. – Такое положение дел мы наблюдаем с самого начала войны.

– Вы, безусловно, правы. Однако в данном случае концентрация подвижных соединений у противника в разы выше, чем это обычно бывает. Фактически, нашим армиям противостоят две танковых группы, пусть и несколько потрепанных в предыдущих боях и растянутых на довольно широком фронте. Если просто пытаться нащупать слабину в их обороне и пробовать пробить в этом месте брешь, ничего не получится, только людей и технику потеряем.

– Допустим, – не стал спорить старший майор, – но никаких конкретных предложений я пока так и не услышал.

– Единственный способ обеспечить успех прорыва – дезорганизация управления войсками противника. Непосредственно перед атакой извне и изнутри кольца необходимо нанести удар по штабам немецких моторизованных корпусов.

– Отличный план, – ядовито усмехнулся Судоплатов, – И как же вы хотите это сделать, старший лейтенант? Может быть, вам известны места размещения этих штабов? Или вы считаете, что немцы дадут нашей авиаразведке обнюхать каждый квадратный метр своей территории? Вы не забыли, у кого сейчас господство в воздухе?

– Товарищ Берия говорил мне, что у него есть очень интересные фотографии, – спокойно ответил я, никак не реагируя на издевку в голосе непосредственного начальника. – Там изображено то, что осталось от немецкой колонны после ночного бомбового удара одного из ТБ-3, пилоты которого получали мои команды с земли. Я находился в десяти километрах от этого места, однако бомбы попали в цель.

Я замолчал, но знаменитый диверсант не торопился с ответом и лишь внимательно смотрел на меня, ожидая продолжения.

– Мне нужен скоростной самолет-разведчик с опытным пилотом и тройка истребителей для прикрытия. А потом, когда стемнеет, десяток дальних бомбардировщиков ТБ-7 и Ер-2 из тех, что в августе летали бомбить Берлин.

– А пару армий в усиление вам не требуется, старший лейтенант? – Судоплатов откинулся на спинку кресла, разглядывая меня, как экзотическую диковинку, – Мы, если вы заметили, здесь занимаемся несколько иными вопросами, весьма далекими от пустых прожектов. У меня всего месяц на то, чтобы сделать из вас

настоящих диверсантов, способных проходить немецкие заслоны, как нож сквозь масло, и я это сделаю! А вы, товарищ Нагулин, предлагаете мне нарушить приказ, прервать подготовку группы, и заняться продвижением вашей авантюры, из-за которой мне придется отвлечь от важных дел очень серьезных людей.

– В Киевском котле ждут помощи двести тысяч наших бойцов и командиров, – медленно произнес я, выделяя голосом каждое слово. – И они останутся там навсегда. Их рассекут на части и добьют по отдельности, если, конечно, мы ничего не изменим в текущих планах прорыва. Вы опытный командир, товарищ старший майор государственной безопасности, и отлично знаете, что я прав. Мне нужны всего сутки – один день и одна ночь. Вы – мой непосредственный начальник, и кроме вас мне не к кому обратиться. Прошу вас вспомнить мост через Днепр и последующие события. Мне тогда тоже поверили далеко не сразу.

Судоплатов поднялся и смерил меня нехорошим взглядом. Я тоже встал, но он жестом велел мне сесть на место.

– Жди здесь, – приказал старший майор, неожиданно перейдя на «ты», и вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

– Итак, вы его упустили, – к удивлению Рихтенгдена, генерал произнес эту фразу совершенно спокойным голосом, – Вы не смогли вырвать майора Шлимана из рук русских диверсантов, и теперь мы вынуждены считать, что все, что он знал, знает и противник. Все это весьма прискорбно, не находите, полковник.

– Вся ответственность за эту неудачу лежит исключительно на мне, герр генерал, – четко ответил Рихтенгден, глядя начальнику прямо в глаза, – Все мои люди и привлеченные бойцы «Бранденбурга» проявили себя исключительно компетентными специалистами, и только мои ошибки привели к срыву выполнения задания.

– Не торопитесь себя оговаривать, – усмехнулся уголком губ генерал. – Адмирал Канарис поручил мне провести расследование этого инцидента, и, поверьте мне, я выполнил его приказ со всей тщательностью. Мы восстановили всю картину

произшедшего, подробно опросив всех участников событий, от ваших людей, до жандармов и пехотных офицеров, выполнявших ваши приказы. Тех, кто выжил, естественно...

Генерал некоторое время помолчал, потом задумчиво плеснул себе в стакан воды из графина и сделал пару глотков.

– Никто из заслуживающих доверия специалистов, ознакомленных с этим делом, не нашел в ваших действиях серьезных ошибок. Такое редко бывает, ведь некоторые из них знают вас лично, и не всегда ваши отношения с этими людьми безоблачны. Однако их оценки сходятся – ваши действия в тех обстоятельствах были верными. Возможно, вам просто не хватило везения. Как, кстати, ваша рука? Не беспокоит?

– Уже лучше, герр генерал. Благодарю.

– Пожалуй, впервые на этой войне мы столкнулись с фактором, выходящим за рамки нашего понимания, – продолжил генерал. – Ваше своевременное прибытие в окрестности Кременчуга вернуло противодиверсионную операцию в нужное русло. Вы верно оценили действия противника и вывели своих людей на след вражеской группы. Если бы не эта ночная бомбардировка, предвидеть которую не мог никто, русские не имели бы возможности посадить транспортный самолет на нашей территории, а затем и поднять его в воздух. Тем не менее, даже в этих обстоятельствах вы смогли нанести повреждения русскому транспортнику. В результате он разбился при аварийной посадке, но, к сожалению, произошло это уже на территории, занятой советскими войсками, и пассажиры, видимо, уцелели.

– Это в любом случае провал, герр генерал, – покачал головой Рихтенгден, – причем уже не первый, если вспомнить, по чьей рекомендации вы подключили к операции майора Шлимана.

– Что-то вы не в себе, полковник, – нахмурился генерал. – Или на вас так ранение повлияло? Мы с вами, похоже, поменялись ролями. Это вы сейчас должны искать аргументы в свою защиту, а я все сделал за вас, так вы еще и пререкаться со мной вздумали.

Рихтенгден молчал. Возражать у него уже не было ни сил, ни желания.

– То-то же, – немного успокоился генерал, внимательно оглядев подчиненного. – Приказ на уничтожение русского стрелка, а теперь, как выяснилось, и корректировщика, никто не отменял. Агентурной разведке уже поставлена задача установить его местонахождение, но, думается мне, это будет непросто и не особенно быстро. Майор Шлиман в плену, и теперь вы остались единственным сотрудником Абвера, хорошо знающим повадки нашего противника. Я хочу услышать ваши соображения о том, каких действий нам жать от него дальше. И ваши предложения, если, конечно, они у вас есть.

– Киевский котел, – не раздумывая ни секунды, ответил Рихтенгден.

– А конкретнее?

– Русским не взломать нашу оборону. Моторизованные корпуса группы армий «Центр» не дадут им прорвать фронт, если только...

– Продолжайте, полковник.

– Стрелок показал себя мастером наведения на цель тяжелой артиллерии и авиации. У гаубиц не хватит дальности, чтобы поддержать удар, направленный изнутри кольца, да и наша артиллерия спать не будет – не дадут русским спокойно громить наши войска. В воздухе господствует наша авиация, и никакие ТБ-3 или пикировщики красных не смогут обеспечить поддержку наступающим советским частям даже при гениальном корректировщике. Но это днем.

– Считаете, они пойдут на прорыв ночью?

– Я в этом уверен. Под Уманью русские уже применяли этот прием, и тогда у них почти получилось.

– Да. Но, как вы верно заметили, именно «почти».

– В тот раз у них не было поддержки с воздуха, а теперь она будет. Однажды я уже прочувствовал на себе всю прелесть ночного бомбового удара, и, поверьте мне, не хотел бы еще раз испытать такое на собственной шкуре.

– Я вижу, вы много думали над сложившейся ситуацией, – генерал поднялся и подошел к карте, отражавшей текущее положение на восточном фронте, – Вы правы, русские уже совершили две попытки прорыва из окружения, сопровождавшиеся встречными ударами извне. Обе закончились безрезультатно и сопровождались большими потерями с их стороны. В результате положение окруженных только ухудшилось. Сейчас наши войска рассекли их на два изолированных котла, и по оценкам генерал-фельдмаршала фон Бока хоть какие-то шансы на прорыв имеют только части противника, еще удерживающие небольшую территорию западнее города Ромны.

– Они ударят этой или следующей ночью, герр генерал, – уверенно произнес Рихтенгден, – и если русский стрелок будет там, а я в этом не сомневаюсь, то наши войска подвергнутся атаке ночных бомбардировщиков. Стрелок всегда использует повторно тактические приемы, которые однажды доказали свою эффективность. Вспомните ситуацию с мостом через Днепр. Почти сразу после его уничтожения русский снова применил тяжелые гаубицы для уничтожения заслона, выставленного майором Шлиманом. Теперь он получил положительный опыт с бомбардировщиками. Я абсолютно уверен – он захочет его повторить, но уже на новом уровне и в других масштабах.

– И вы знаете, как этому помешать, полковник?

– Мы уже сталкивались с подобной проблемой, – кивнул Рихтенгден. – Английские бомбардировщики летают бомбить наши города именно по ночам, и люфтваффе неплохо наловчилось ссаживать с неба «веллингтоны» королевских ВВС. У меня есть знакомый – майор Хельм, я сталкивался с ним по некоторым делам еще до войны. Сейчас он занимается вопросами внедрения в систему ПВО наших городов последних достижений в области радиолокации. Он сообщил мне, что в начале августа в Рехлине успешно завершились полигонные испытания бортовой РЛС «Лихтенштейн», и группа инженеров из «Телефункена» установила несколько таких станций на ночные истребители, базирующиеся в Леувардене. Поначалу наши пилоты кривили лица, когда на их самолеты навешивали слишком много внешних антенн. При этом машина действительно теряет в скорости, а утяжеление носовой части приводит к ухудшению управляемости. Однако обер-лейтенант Беккер[1 - Людвиг Беккер (22 августа 1911 г. – 26 февраля 1943 г.). Один из лучших пилотов ночных истребителей люфтваффе, ставший разработчиком тактики противодействия ночным налетам английских бомбардировщиков на Германию. Участвовал в испытаниях первых радиолокаторов. Одержал первую победу с применением «темного перехвата»

(с использованием радара). На счету Беккера около тридцати уничтоженных бомбардировщиков противника. Погиб Беккер из-за ошибки командования, решившего привлечь ночные истребители к отражению дневных атак американских бомбардировщиков. 26 февраля 1943 г. двенадцать ночных истребителей атаковали над Гельголандской бухтой группу тяжелых бомбардировщиков В-24 «либерейтор». Единственным сбитым немецким истребителем в этом бою стал самолет командира – гауптмана Беккера. Американцы потеряли семь бомбардировщиков. В дальнейшем ночные истребители люфтваффе понесли значительные потери, поскольку ошибочный приказ об их использовании днем так и не был отменен.] на своем «дорнье», оборудованном бортовой РЛС, в ночь с девятого на десятое августа сбил «Веллингтон», летевший бомбить Гамбург. В следующих ночных вылетах он одержал еще пять впечатляющих побед.

– И вы предлагаете мне убедить командование люфтваффе перебросить эти самолеты под Киев?

– Не только их, герр генерал. Стрелок наводит бомбардировщики на цель, используя радиосвязь. Нам потребуются лучшие системы постановки помех, какие только можно найти в Рейхе, если, конечно, мы действительно хотим спутать русским карты.

– Это будет непросто, полковник, особенно в части ночных истребителей. Боюсь, согласование придется получать на самом верху.

– Русский почти наверняка будет на борту одного из бомбардировщиков. Он не может знать о наличии у нас истребителей, способных выходить на цель без подсветки прожекторами с земли, и это дает нам шанс закрыть вопрос стрелка раз и навсегда.

Генерал в задумчивости прошелся по кабинету и вновь остановился у карты.

– Пожалуй, я найду нужные слова для адмирала Канариса, – кивнул он собственным мыслям. – Ликвидация окруженных под Киевом русских войск сейчас считается важнейшей задачей на всем Восточном фронте, и ставить ее решение под угрозу никто не захочет. Готовьтесь, полковник. Вы сегодня же вылетаете во вторую танковую группу Гудериана. В течение часа жду от вас подробный план операции со списком всего необходимого.

* * *

– Обрати внимание, у этой пушки есть своя специфика – высокая начальная скорость пули. Соответственно, при стрельбе по воздушной цели ты должна делать гораздо меньшее упреждение, чем обычно.

Лена серьезно кивнула, но было видно, что для нее это только слова, которые она пока не понимает, как воплотить в практику.

– Ну, раз все ясно, тогда давай стрелять по деревяшкам.

По моей просьбе Игнатов изготовил довольно грубую деревянную модель «мессершмитта». Детальное воспроизведение вражеской машины мне не требовалась, а вот соотношение размеров макета и настоящего истребителя нужно было соблюсти точно. Проводить практические стрельбы по самолетам мы, естественно, возможности не имели, но зато могли вдоволь развлекаться имитацией этого увлекательного процесса.

– Еще раз напоминаю, модель в сорок раз меньше реальной цели, но и расположена она к тебе гораздо ближе, так что когда ты будешь стрелять по реальному противнику, выглядеть он будет ровно таким же, каким ты видишь его сейчас. С помощью вот этого нехитрого устройства, – я показал Лене две тонких планки примерно метровой длины, полужестко скрепленных с макетом, – я буду имитировать полет «мессершмитта». Ты наводишь ружье на цель с учетом упреждения и нажимаешь на спусковой крючок. Выстрела, естественно, не будет, но каждый раз я буду говорить тебе, попала ты или промахнулась.

Я, наконец, придумал, как использовать свои возможности для обучения нашего снайпера стрельбе по воздушным целям. В конце концов, обещания нужно выполнять, и дальше тянуть с этим я не считал возможным. Вычислитель подсказывал мне, правильно ли наведено оружие в момент выстрела, и Лена могла тренироваться сколько угодно, вернее, ровно столько, сколько начальство позволяло нам этим заниматься.

«Самолет» выполнил стандартный разворот, заходя на цель, и я услышал сухой щелчок спускового механизма.

– Промах! Упреждение нужно еще уменьшить. Кроме того, пуля прошла чуть выше цели. Начинаем заново. Мне нужно, чтобы ты не просто попадала в корпус самолета, а могла по моей команде поразить кабину, мотор или топливный бак. Начали!

Щелчок!

– Мимо! Упреждение – норма, но пуля прошла ниже. Ты неправильно учла угол подъема машины при выходе из атаки. Еще раз!

Щелчок!

– Попадание! Уже лучше, ты пробила ему хвостовой киль. Цель, к сожалению, сохранила боеспособность. Готова? Продолжаем!

– Промах!

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться!

Я обернулся. У выхода во внутренний двор стоял сержант Никифоров.

– Вам приказано немедленно прибыть в кабинет товарища старшего майора.

Это могло означать только одно – решение по моему предложению, наконец-то, принято. Теперь бы еще понять, какое. Я кивнул Лене и быстрым шагом направился к зданию.

* * *

Странности начались ближе к концу дня. Сначала из штаба авиадивизии поступил приказ готовиться к вылету и ждать прибытия спецпредставителя НКВД, которого нужно принять на борт и обеспечить ему доступ к средствам наблюдения.

Лейтенант Калина всего несколько часов назад посадил свой двухмоторный Пе-2р на аэродром, и отлично знал, что редкие разрывы в низкой облачности дают

очень мало шансов что-то рассмотреть внизу. Кроме того, немцы просто свирепствовали. Хорошо, что переоборудованный в разведчика бомбардировщик почти не уступал в скорости «мессершмиттам», но все равно им дважды пришлось удирать во все лопатки и даже немного пострелять. Какие-то фотографии они, конечно привезли, но сам Калина четко понимал, что, по большому счету, вылет прошел зря.

И вот теперь снова в небо. Опять нырять в этот облачный кисель, подставляясь под огонь с земли и постоянно опасаясь нападения вражеских истребителей. Да еще этот спецпредставитель, принесла же его нелегкая...

От размышлений лейтенанта отвлек гул моторов. На посадку заходил транспортный ПС-84, эскортируемый тремя истребителями. «Яки», к удивлению лейтенанта, не ушли на свой аэродром, а вслед за транспортником начали заходить на посадку.

– Это твое прикрытие, лейтенант, – сообщил незаметно подошедший со спины командир эскадрильи, кивнув в сторону «яков».

– И за что мне такая честь, товарищ капитан? – Калина стянул летный шлем и взъерошил рукой волосы.

– Это не тебе, – хмыкнул командир, – на время полета переходишь в подчинение старшего лейтенанта госбезопасности. Фамилию этого товарища нам с тобой лучше не знать, но любой его приказ для тебя закон.

От остановившегося транспортника к ним уже быстрым шагом направлялся довольно молодой командир в форме НКВД. Калина вновь надел шлем и приготовился докладывать по всей форме.

* * *

Командующий немецким Африканским корпусом генерал танковых войск Эрвин Роммель мрачно наблюдал за погрузкой своих дивизий на транспортные корабли. Порт Триполи был забит танками, орудиями, тягачами и другой военной техникой. Прибывшие из Франции и Италии пехотные дивизии должны были временно сменить его войска, уже проверенные и успевшие набраться опыта

боев в пустыне. Им предстоял неблизкий путь в Россию – на Восточный фронт.

Приказ Фюрера оказался для Роммеля громом с ясного неба. В Африке наметился настоящий успех. Моральный дух англичан и австралийцев был сломлен сокрушительными поражениями в весенне-летней кампании, в результате которых они оставили Бенгази, Сиди-Омар и Эс-Салум, а глубоководный порт Тобрук немецко-итальянские войска взяли в плотную осаду.

И вот теперь на всех этих победах можно ставить жирный крест. Не будет нового наступления в Египте, не будет решительного штурма Тобрука. Несмотря на полученный из Берлина однозначный приказ, Роммель не знал, как смотреть в глаза итальянским генералам. Он ощущал себя предателем, хотя решение о замене его танков пехотой принимал не он. И еще генерал не мог отделаться от чувства, что у него украли победу – настоящую большую победу, которая могла стать вершиной его полководческой карьеры.

Что ж, наверное, из Берлина виднее, и Москва действительно гораздо важнее Тобрука, Эль-Аламейна и даже Каира, но в данный момент Роммелю от этого понимания было ничуть не легче.

Глава 2

Пе-2 оторвался от земли, когда до заката оставалось не больше пары часов. Бомбардировщик, переоборудованный под цели авиаразведки, легко набирал высоту. Я указал командиру экипажа курс и занял место стрелка-радиста.

Пе-2. Советский пикирующий бомбардировщик времен Второй мировой войны. В советских ВВС имел прозвище «Пешка». Изначально разрабатывался, как скоростной высотный истребитель. Использовался не только в качестве бомбардировщика, но и как самолет-разведчик. Максимальная скорость 540 км/ч. Практический потолок 8700 м. Практическая дальность 1200 км. Бомбовая нагрузка до одной тонны. Стрелковое вооружение (на 1941 г.) – четыре пулемета ШКАС (7,62 мм).

Три истребителя, составлявших наше прикрытие, держались немного выше, внимательно следя за воздушной обстановкой. Мы шли над самыми облаками, ставшими к вечеру немного менее плотными, и в их разрывах иногда мелькала земля. Местами облачность становилась многослойной, и тогда мы на какое-то время теряли из виду свой эскорт.

Линию фронта прошли более-менее спокойно, но дальше сразу начались проблемы. Ни лейтенант Калина, ни пилоты истребителей пока не видели опасности, но служба воздушного наблюдения у противника была организована на должном уровне, и наш пролет над передовыми позициями немцев не остался незамеченным.

С юго-запада к нам приближались четыре «мессершмитта». Они были еще довольно далеко, но шли уверенно, а встречаться с ними в мои планы никак не входило.

– Курс северо-северо-запад, – приказал я пилоту и продублировал команду по радиации «якам».

Конечно, я не собирался реально вести разведку местности – для этого гораздо лучше подходили спутники, но легенда требовала от меня, по крайней мере, посетить те районы, по которым впоследствии будут наноситься бомбовые удары, иначе мне опять пришлось бы отвечать на массу неудобных вопросов. Кроме меня об этом, естественно, никто не знал, и все остальные действующие лица, включая немцев, воспринимали происходящее с полной серьезностью.

Противник крайне негативно отнесся к идее нашего разведывательного полета над своей территорией. Изменение нами курса привело к тому, что высланные для перехвата «мессершмитты» нас просто не нашли. Тем не менее, мы попадали в поле зрения все новых наземных наблюдателей, и вскоре вычислитель оповестил меня о появлении в опасной близости еще трех пар вражеских истребителей.

Я, конечно, ставил помехи, но совсем заглушать немцам связь, честно говоря, не хотел. Я и так несколько раз злоупотребил этой возможностью, когда другого выхода просто не было, но ведь немцы не идиоты, и вполне способны сложить

два и два и понять, что проблемы со связью у них возникают именно в тех местах, где появляется этот странный русский. Впрочем, чуть позже я собирался отбить у них эти мысли, устроив десяток другой подобных аномалий в разных местах, включая не только Восточный фронт, но и Европу и даже Африку. Об этом, безусловно, следовало позаботиться раньше, но что уж теперь...

Примерно через полчаса стало ясно, что от очередной неприятной встречи мы уклониться не сможем. Нас банально зажали, и теперь оставалось только выбрать наиболее неудобный для немцев курс, что я и сделал. В результате основная часть преследователей вытянулась за нами в длинную цепочку из машин, шедших с разных направлений и на разных высотах, зато уклониться от пары «мессершмиттов», заходившей нам, практически, в лоб, мы не имели никакой возможности.

– «Дрозды», внимание! Противник на два часа. Высота два с половиной, – предупредил я наше прикрытие. – Курс не меняем.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, может лучше сменить курс? – командир экипажа пока противника не видел, но ставить информацию о нем под сомнение не решился, – Если нас обнаружат, здесь через десять минут будет целая толпа мессеров.

– Курс прежний, – спокойно повторил я. – Немцы и так о нас знают. Времени мало, а я увидел еще далеко не все, что мне требуется.

– Есть, – Калина счел за лучшее больше не возражать спецпредставителю НКВД, но было видно, что про себя он только укрепился в мысли, что этот полет – бессмысленная авантюра. Я командира экипажа прекрасно понимал. Разрывы в облаках встречались редко, и он, как опытный авиаразведчик, отлично знал, что по этим отрывочным фрагментам составить картину обстановки на земле совершенно невозможно.

– Вижу противника! – пришел доклад от одного из «Дроздов». – Пара «худых». Нас заметили. Атаковать не торопятся – нас больше.

– Если полезут – свяжите их боем.

– Есть!

Я понимал мотивы поведения немцев. Бросаться в атаку вдвоем против троих, не имея фактора внезапности, пилотам противника не хотелось. Они считали, что мы никуда не денемся, ведь к месту событий уже спешат другие пары истребителей, поднятые с полевых аэродромов.

С минуту мы продолжали полет в прежнем направлении, а ситуация, между тем, становилась все более угрожающей. Преследовавшие нас истребители медленно сокращали дистанцию, а режим дополненной реальности рисовал мне метки все новых самолетов противника, подключавшихся к охоте. На мой взгляд, немцы реагировали излишне бурно, демонстрируя уж очень болезненную реакцию на наш рейд.

– Курс на север, – приказал я, понимая, что мы уже находимся над территорией, занятой окруженными войсками Юго-Западного фронта, и углубляться дальше на запад нет никакого смысла.

За пару секунд до смены курса я все-таки заглушил эфир полностью. Только для немцев, естественно. Наш эскорт продолжал принимать мои команды. Таким способом я надеялся на какое-то время обмануть тянущийся за нами хвост преследователей и заставить их некоторое время двигаться прежним курсом, теперь уже расходящимся с нашим. Минут через десять я собирался повернуть на восток – оставаться в воздушном пространстве противника становилось слишком опасно.

– «Худые» атакуют! – услышал я выкрик кого-то из летчиков нашего эскорта.

Пилоты вышедшей на нас пары «мессершмиттов» быстро сообразили, что их доклады об изменении русскими курса никто не слышит, и решили сами связать нас боем, чтобы не дать уйти далеко.

Забравшись на приличную высоту, немцы в пикировании атаковали наш эскорт. В воздушном бою, особенно при местном уровне технологий, элемент случайности играет весьма значительную роль.

Ведущий мессер открыл огонь с двухсот метров. Попасть с такой дистанции непросто, но немцу повезло. Очередь перечеркнула кабину ведущего тройки «яков», и «Дрозд-1», перевернувшись через крыло, свалился в неуправляемое

падение.

Ответные очереди наших истребителей цели не достигли, как, впрочем, и выстрелы ведомого немецкой пары. Но теперь соотношение сил выровнялось, если конечно, не считать за боевую единицу наш Пе-2, а немцы его всерьез не воспринимали.

Несмотря на отсутствие связи, несколько вражеских истребителей из группы преследования продолжали нас догонять. Возможно, они получили визуальное целеуказание с земли или просто решили расширить сектор поиска, но факт оставался фактом – финт со сменой курса и глушением связи удался лишь частично.

Воздушный бой, тем временем, продолжался, и боевая удача сегодня явно была не на стороне советских летчиков. Командир авиадивизии уверял меня, что выделяет для сопровождения лучших пилотов, но, лишившись ведущего, они, похоже, все-таки потеряли самообладание. Вторая атака мессеров вновь оказалась результативной. На этот раз, правда, безоговорочной победы им одержать не удалось, но за одним из «яков» потянулся темный шлейф дыма, хотя управления самолет, вроде бы, не потерял.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, нужно уходить! – в голосе командира Пе-2 слышалось отчаяние. – Разрешите сменить курс!

– Прекратить панику! – рыкнул я на лейтенанта, – «Дрозд-3», что с самолетом?

– Двигатель поврежден, но пока тянет, – услышал я напряженный голос пилота, – Масло забрызгивает фонарь кабины. Обзора нет почти.

– «Дрозд-3», выйти из боя! «Дрозд-2», тяни «худых» на меня!

– «Дрозд-2» команду не понял! Прошу подтвердить приказ! – немедленно отозвался пилот последнего целого «яка».

Штурман Пе-2 тоже смотрел на меня, как на сумасшедшего. Лейтенант Калина не мог отвлечься от управления самолетом, но и он дернулся в своем кресле, услышав мою команду.

– «Дрозд-2», мне нужно чтобы ты затащил немцев в сектор обстрела моего пулемета задней полусферы. Теперь ясно?

– Выполняю, – спустя секунду отозвался пилот истребителя, но по его голосу было понятно, что мой приказ он считает полным бредом. Впрочем, ему быстро стало не до слетевшего с катушек спецпредставителя НКВД – на его «як» насели сразу два мессера.

Тем не менее, приказ летчик выполнил. Бой между истребителями происходил примерно в километре над нами, и «Дрозд-2», в очередной раз атакованный сверху, попытался оторваться от немцев в крутом пикировании. Направление он выбрал с таким расчетом, чтобы севшие ему на хвост «худые» в какой-то момент оказались над нашим Пе-2, немного от него отставая. Немцев такой расклад тоже вполне устраивал, давая им, при некоторой удаче, возможность в одном заходе покончить и с последним русским истребителем, и с неповоротливым, но довольно быстрым бомбардировщиком.

– Курс не менять! Маневров уклонения не совершать! – приказал я лейтенанту Калине, занимая место за пулеметом, – Собьете мне прицел – пойдете под трибунал!

– Есть не менять курс, – сдавленно ответил пилот.

Пулемет ШКАС на момент своего создания, несомненно, являлся одним из ярких образцов инженерной мысли. Его конструкторам Шпитальному и Комарицкому удалось собрать вместе лучшие на тот момент решения, применявшиеся по отдельности в других образцах автоматического оружия. В результате получился пулемет, обладавший очень высокой по тем временам скорострельностью – тысяча восемьсот выстрелов в минуту. После устранения ряда «детских болезней» надежность ШКАСа удалось довести до вполне приемлемого уровня, но он по-прежнему очень плохо относился к любым загрязнениям, что в реальных боевых условиях приводило к частым отказам и к провалу попыток использовать его где-либо, кроме авиации.

Свой ШКАС я внимательно осмотрел еще перед вылетом, и нашел его состояние вполне удовлетворительным. Дело другое, что винтовочный калибр этого пулемета был все же маловат для сорок первого года. Этот недостаток не искупала даже высокая скорострельность. Увеличение мощности авиационных

двигателей позволило немецким конструкторам заметно усилить бронирование «мессершмиттов», неплохо защитив пилота и наиболее важные узлы истребителя. Именно поэтому я приказал командиру экипажа не дергать самолет на курсе – мне требовалась максимально возможная точность стрельбы, поскольку поразить самолет противника я мог только в уязвимые места, а туда еще нужно было попасть.

Вдохновленные удачным началом боя, немцы решили не тянуть с уничтожением русских и распределить цели между собой. Не знаю уж, как в условиях отсутствия связи они об этом договорились, но ведущий пары «худых» продолжил преследование «яка», а его ведомый слегка подправил курс, заходя в хвост нашему Пе-2.

На дистанции четыреста метров немецкий пилот чувствовал себя достаточно комфортно, не слишком опасаясь пулеметов русского бомбардировщика. Сам стрелять он тоже не торопился – все-таки расстояние велико, а запас патронов не бесконечен. Я немного повернул пулемет на турели и выпустил в сторону противника короткую очередь. Она получилась не слишком прицельной, но дала вычислителю много информации для внесения поправок в систему наведения.

Немец даже не дернулся, когда правее и выше его машины промелькнуло несколько трассеров. Лента моего пулемета была вперемешку заполнена патронами с бронебойными, зажигательными и бронебойно-трассирующими пулями. Считалось, что такой подход способствует комбинированному поражению самолета противника, хотя я бы предпочел ограничиться только бронебойными боеприпасами.

Триста пятьдесят метров. Еще немного, и противник попытается скрыться в мертвой зоне, где моему огню будет мешать хвост собственного самолета. Допускать этого я не собирался. Очередь! Попадания видны даже невооруженным глазом. Я целился по кабине, благо мессер снижался, опустив нос, и мотор ее не заслонял. Спустя секунду противник исчез из моего поля зрения. Выстрелов с его стороны так и не последовало, но его метку вычислитель перекрасил только в желтый цвет – видимо, в оценке результатов стрельбы он уверен не был.

– «Дрозд-2», жив? – маркер последнего «яка» тоже окрасился желтым, однако спустя пару секунд вновь приобрел зеленый цвет.

– Дыр в крыльях наделал, поганец, – ответил пилот. – Самолет рулей слушается. Мотор тянет.

Ведущий пары мессеров прекратил преследование «яка» и пристроился к своему ведомому, с трудом удерживающему машину в воздухе. Сам самолет серьезных повреждений, похоже, не получил, но пилот, по всей видимости, был ранен. Истребитель рыскал из стороны в сторону и все больше прижимался к земле. Вычислитель перекрасил его отметку в серо-желтый цвет, считая цель практически небоеспособной.

– Возвращаемся домой, – приказал я, и тут немецкий пилот окончательно потерял управление своей машиной.

Внизу распустился огненный цветок взрыва – ведомый пары мессеров упал в лес. Я тихо выругался про себя. Предсказать, что теперь будет делать уцелевший противник, было несложно.

Я наскоро оценил обстановку. Мы вновь резко изменили курс, и остальные преследователи нас, видимо, потеряли. До линии фронта оставалось лететь еще минут пять, но было件нятно, что привязчивый мессер нас просто так в покое не оставит.

– Лейтенант, прижимайся к земле! «Дрозд-2», не давай ему зайти на меня сбоку – пусть пытается атаковать сзади.

Сбоку немец нападать не стал. Пользуясь тем, что у земли наша скорость не превышала четырехсот пятидесяти километров в час, мессер набрал высоту около километра и бросился в атаку сверху-сзади. Гибель своего ведомого он, видимо, счел случайностью, безумным везением, за которое стрелок русского бомбардировщика должен поплатиться жизнью.

– Жду приказа! – напомнил о себе пилот «яка».

– Поднимись чуть выше и атакуй его, если он вздумает изменить курс и зайти с другой стороны.

– Понял. Выполняю.

Пилот и штурман Пе-2 молчали. После уничтожения одного из мессеров желание вмешаться в управление боем или как-то оспаривать мои действия у них пропало напрочь.

- Здесь «Дрозд-2». Сильная вибрация при наборе высоты. Мотор теряет мощность!

- «Дрозд», продержись немного. Ты мне нужен здесь еще пару минут.

- Высота шестьсот.

- Достаточно. В атаку не лезь. Просто пусть немец тебя видит.

До противника пятьсот метров. Далековато. Попасть, конечно, можно, но на таком расстоянии убойная сила пуль ШКАСа уже не та. Пе-2 тянет к линии фронта, прижимаясь почти к верхушкам деревьев небольшого лесного массива. Облачность как назло поредела, и немец падает на нас сверху, как на учениях.

Четыреста метров. Наверное, все-таки рано – не хочется спугнуть врага. Если он откажется от атаки и попытается зайти сбоку, будет гораздо сложнее – в обороне Пе-2 это еще одно слабое место.

Триста.

- Здесь «Дрозд-2»! Разрешите атаковать! Он сейчас вас расстреляет!

- Отставить!

Дистанция двести пятьдесят. Пожалуй, пора. Прицельные маркеры совместились на вражеском самолете. Вычислитель на краю поля зрения высвечивает цифры вероятности поражения цели. Почти девяносто процентов. Очередь! Уже начинает темнеть, и трассеры расцвечивают небо яркими росчерками. Промаях! Как он успел?! Что почувствовал? У меня нет ответа, но в последний момент мессер дернулся в сторону, и очередь прошла мимо. Вот сейчас он скроется в мертвой зоне, и это будет совсем плохо. Раненый «як» нам не помощник, а значит.... Очередь! От нашего собственного хвоста летят какие-то лохмотья – пара моих пуль зацепила киль. В сотне метров от нас прямо в небе

разгорается жаркий костер. Пригодились-таки зажигательные пули, способные поджечь даже протектированный бензобак. Немец стреляет в ответ. Похоже, просто наугад, но наш многострадальный хвост ловит еще одно попадание.

- Как машина?

- Рулей слушается, - слегка охрипшим голосом отвечает лейтенант Калина.

Внизу под нами вспухает яркая вспышка - подбитый мессер встретился с землей.

* * *

Старший сержант Силин, позывной «Дрозд-2», проследил за посадкой бомбардировщика и тоже повел свой истребитель к земле. Машина слушалась неохотно, как будто самолет вдруг потяжелел на многие сотни килограммов. Стойки шасси вышли штатно, хоть в этом проблем не возникло, и «як» тяжело покотился по укатанному грунту взлетно-посадочной полосы.

Чуть в стороне Силин заметил самолет младшего лейтенанта Кострова, весь почерневший, с забрызганным маслом фонарем кабины. Значит, дотянул-таки Иван до аэродрома, и даже смог посадить подбитую машину. Уже легче, хотя командира, конечно, не вернешь.

Тяжело выбравшись из кабины, старший сержант сделал пару шагов навстречу бегущим к нему людям.

- Не ранен? - спросил Силина подбежавший первым незнакомый техник.

- Нет, - отрицательно мотнул головой летчик, - а вот машина, судя по всему, нуждается в серьезном ремонте.

- Нехило вам досталось.

- Командира потеряли. Первой же очередью - не повезло. Но и мы двоих свалили.

– Ну, если эти подтвердят, – техник кивнул в сторону Пе-2, то, думаю, вам обе победы засчитают. Кто отличился-то?

– Они и отличились, – кривовато усмехнулся Силин.

– Не понял...

– А что тут понимать? Обоих фашистов вогнал в землю стрелок Пешки. Вот так оно бывает.

Глава 3

Как еще утром сообщил мне Судоплатов, Ставка и без моих гениальных советов уже подготовила очередной план деблокады войск, окруженных в Киевском котле. Одновременные удары извне и изнутри кольца на этот раз предполагалось нанести ночью, чтобы на начальной стадии операции свести на нет немецкое господство в воздухе.

Берия долго колебался, прежде чем озвучил мое предложение Сталину, но оно не требовало внесения в уже разработанный план практически никаких изменений, и глава НКВД решил, что хуже не будет.

После больших потерь, понесенных советской дальней авиацией в начале войны, Верховный запретил использование ТБ-7 без его прямого разрешения, поэтому наркому внутренних дел пришлось решать этот вопрос напрямую с Вождем. Несмотря на опасения Берии, Сталин почти не колебался.

– Действуйте, товарищ Берия, – кивнул он, выслушав доклад наркома. – Мы обязаны использовать любую возможность для увеличения наших шансов на успех операции. В разумных пределах, конечно, и под вашу личную ответственность.

В результате воплощение моего плана оказалось в ведении НКВД, и отчитываться я по-прежнему должен был перед своим непосредственным начальником.

– Товарищ старший майор государственной безопасности, – начал я доклад, как только мы остались одни, – разведывательный полет проведен успешно. Данные для ночного бомбового удара собраны в достаточном объеме. Потерян один истребитель. Пилот погиб. Остальные самолеты получили повреждения разной степени.

– Удивительно, что вы вообще оттуда вернулись, – мрачно ответил Судоплатов. – Отметь на карте то, что увидел, и можешь пару часов отдохнуть. ТБ-7 и Ер-2 будут над нашим аэродромом ровно в ноль часов. К этому моменту ты уже должен быть в воздухе.

* * *

План ставки был неплох, но шансов на успех не имел в силу неверности исходной информации, положенной в его основу. Разведка РККА не смогла вскрыть замысел немцев и не заметила, как четвертая танковая группа вермахта, до этого наступавшая на Ленинград, неожиданно исчезла из-под осажденного города и была переброшена на Московское направление. Хитрые гансы оставили под Ленинградом одного из радистов танковой группы, имевшего специфический легко узнаваемый почерк, и радиоразведка не выявила резких изменений в составе немецких войск.

Противник готовился к удару на Москву, собирая в единый кулак практически все свои танковые силы, за исключением первой танковой группы Клейста, отправившейся на юг захватывать Донбасс. Но и без нее на Московском направлении сконцентрировались такие силы, противопоставить которым двадцать первая и сороковая армии ничего не могли. И это если не считать уже загружающихся в эшелоны дивизий генерала Роммеля, только что прибывших во Францию из Северной Африки, пополненных новыми танками и другой техникой и готовившихся к переброске под Брянск и Вязьму.

Всю эту армаду в данный момент сдерживала от броска на советскую столицу только необходимость ликвидировать, наконец, окруженную и уже расчлененную на две части группировку советских войск под Киевом.

Однако советское командование всего этого не знало, и сейчас две армии готовились нанести деблокирующий удар, а войска Брянского фронта должны

были активными действиями сковать силы немцев, чтобы затруднить противнику переброску резервов на угрожаемые направления. Армии в котле собирали для прорыва немногие боеспособные соединения. Мехводы заливали в баки нескольких десятков уцелевших танков последние литры горючего, а артиллеристы выскребали с полевых складов жалкие остатки боеприпасов для весьма немногочисленных исправных орудий. Я понимал, что вытащить всех не удастся, но собирался дать шанс хотя бы части окруженных.

Когда аврально отремонтированный Пе-2 лейтенанта Калины оторвался от земли, весь горизонт на западе уже громыхал взрывами и светился белым химическим заревом от сотен, если не тысяч «люстр», подвешенных нашими и немцами над полем боя.

Взлетели мы как раз вовремя. В паре километров позади нашего самолета на высоте шесть тысяч метров к линии фронта приближались два звена ТБ-7 и четверка Ер-2. Всего десять дальних бомбардировщиков, как я и просил. Все вместе они несли сорок тонн фугасных бомб весом от двухсот пятидесяти килограммов до тонны.

Пока армиям Кузнецова и Подласа сопутствовал успех. План предусматривал два мощных сходящихся удара в общем направлении на Ромны. Обоим командующим удалось в сумерках скрытно вывести на позиции приданные им дивизионы БМ-13. Немцы, уверенные в эффективности своей воздушной разведки, не ожидали массированного артиллерийского огня, и обрушившийся на их головы шквал реактивных снарядов буквально смел передовые позиции противника.

В образовавшийся разрыв устремились танковые бригады, выделенные Ставкой для этой операции. Они примерно наполовину состояли из Т-34 и КВ, с которыми противотанковые средства немцев справлялись с большим трудом.

Тем не менее, первоначальный успех грозил быстро сойти на нет. Информация о направлениях ударов уже достигла немецких штабов, и прямо сейчас начинал раскручиваться отлаженный механизм противодействия советским контрударам, до мелочей отработанный вермахтом за первые месяцы войны.

Ввиду темного времени суток авиацию задействовать противник не мог, но немцам было не впервой воевать в погодных условиях, препятствующих полетам

их истребителей и бомбардировщиков, и для отражения атаки они располагали множеством других эффективных средств, главным из которых, являлись 88-миллиметровые зенитные орудия, выводимые на прямую наводку, и моторизованные соединения, которые можно было быстро перебросить к местам прорыва для нанесения фланговых ударов по прорвавшимся советским войскам.

Именно этот сценарий развития событий я и намеревался предотвратить.

- «Акула-1», здесь «Шершень». Готовы принять координаты целей?

- «Шершень», здесь «Акула-1», - без задержки отозвался командир группы тяжелых бомбардировщиков, - Слышу вас нормально. К приему координат готов.

* * *

Командир третьей танковой дивизии вермахта генерал фон Швеппенбург выслушал доклад начальника штаба и быстрым шагом перешел в комнату, где на столе были разложены карты района боевых действий. Несколько больших деревянных домов, из которых предварительно выселили жителей, были заняты штабом дивизии, что обеспечивало хотя бы минимальный комфорт в тех варварских условиях, с которыми так часто приходилось мириться фон Швеппенбургу в этой дикой стране.

На этот раз русские ударили ночью. О такой возможности генерал слышал вчера в штабе второй танковой группы. Правда, предупреждение исходило не от генерал-полковника Гудериана, а от какого-то берлинского хлыща из Абвера, так что фон Швеппенбург не стал принимать его слишком уж всерьез. Как выяснилось, абверовец говорил дело.

На карту уже были нанесены места ударов советских войск. Замысел красных не отличался оригинальностью. Ночной атакой проломить фронт в двух местах, отстоящих друг от друга на тридцать километров, потом ввести в прорыв танковые бригады, соединиться за спиной попавшей в мешок пехотной дивизии, блокировать ее, рывком достичь внутреннего периметра котла и ударом с тыла по удерживающим его пехотным частям пробить коридор к своим окруженным армиям.

– Соедините меня со штабом пятого танкового полка! – потребовал Швеппенбург.

– Телефонная связь нарушена, герр генерал! – доложил через минуту дежурный связист. Устранение неисправности уже ведется, но потребуется время.

– Так свяжитесь по радио! Я должен учить вас вашей работе, штабс-фельдфебель?

– В эфире помехи, герр генерал. Мы непрерывно вызываем штаб пятого полка, но ответа пока нет.

– Тогда отправьте делегата связи с приказом полковнику Брауну немедленно поднимать полк по тревоге. В два часа тридцать минут я хочу видеть его танки вот здесь! – повернулся Швеппенбург к начальнику штаба, показывая точку на карте, из которой начиналась стрела русского танкового удара, – Эту дорогу необходимо как можно быстрее перерезать и деблокировать сорок четвертую пехотную дивизию. Австрийцы – неплохие солдаты, но мне не хотелось бы долго испытывать их стойкость в условиях окружения...

Речь генерала прервал нарастающий свист, хорошо различимый даже через закрытые окна. Ни одна из четырех пятисоткилограммовых бомб, сброшенных с двухкилометровой высоты, не попала непосредственно в здания штаба, но этого и не требовалось. Ударная волна сравняла с землей деревянные строения, своротив с фундаментов даже каменные печи и похоронив под грудой обломков командира дивизии и офицеров его штаба.

* * *

Наверное, командирам идущих в атаку бригад и дивизий, да и простым красноармейцам и танкистам, пытавшимся в ночном бою взломать немецкую оборону и пробиться к своим окруженным товарищам, казалось, что пока операция развивается по плану, враг отходит, а местами и откровенно бежит. Нужно еще поднажать, и сопротивление противника будет окончательно сломлено.

При взгляде с орбиты картина вырисовывалась совершенно иная. Соотношение сил складывалось совсем не в пользу советской стороны, особенно в танках и подвижных соединениях. Получив болезненный, но далеко не смертельный удар, вермахт начинал разворачиваться в сторону обидчика, чтобы нанести ему сокрушительное поражение.

- «Акула-3», здесь «Шершень». Семь с половиной градусов влево. Вы практически над целью. Удар двумя ФАБ-500. Ждите команды.

- «Акула-3» приказ понял. Жду.

- «Акула-3», десять секунд!.. Сброс!

Корректировать удары одновременно десяти бомбардировщиков я просто не успевал. Иногда их приходилось выводить на второй, а то и третий заход. Точность сброса бомб тоже не всегда позволяла поразить цель с первого раза. Иногда мои команды выполнялись с небольшими задержками или не вполне точно, и тогда опять же приходилось атаковать цель повторно, а это означало, что немцы внизу уже знали об опасности, что снижало эффективность ударов.

Тем не менее, сложный армейский организм немецкой группы войск под Киевом сейчас напоминал могучего великана, хлебнувшего не летальную, но весьма изрядную дозу нервно-паралитического газа. Какие-то команды успевали доходить до подразделений и частей, другие обрывались на полпути, упираясь в разрушенные штабы и узлы связи. Танковые и моторизованные части выдвигались в разных направлениях, зачастую имея только приказ на марш, но не получая дальнейших указаний. На весь этот хаос накладывалось ночное время и невозможность провести авиаразведку. Однако вермахт был силен не только своими генералами. Инициативных и квалифицированных офицеров среднего звена у немцев тоже хватало, и, несмотря на частичную потерю управления войсками, противодействие ведущим наступление советским армиям постепенно нарастало.

Наибольшую проблему для противника представляли два ударных кулака, состоявших из танков КВ и Т-34. Стандартная тактика артиллерийских засад с использованием зениток, способных пробить их броню, сейчас давала сбои. Двигавшиеся к месту прорыва колонны тягачей с 88-миллиметровыми пушками попадали под редкие, но неожиданно точные бомбовые удары, упирались в

разрушенные мосты через небольшие речки и овраги или просто не поучали вовремя приказов на выдвижение.

У окруженных войск, ударивших навстречу сороковой и двадцать первой армиям, дела шли хуже. Их малочисленные танки, собранные в одну группу прорыва, смогли сделать очень немногое, лишь прорвав первую линию обороны противника. Этот удар не стал для немцев неожиданным, и они успели подготовиться к его отражению. Тем не менее, получив по радио сообщение об успешном продвижении танковых бригад, советские войска изнутри кольца усилили нажим. Даже более слабая часть окруженных, блокированная немцами севернее Лохвицы, предприняла попытку прорыва, причем не в восточном направлении, как ожидал противник, а в северном, надеясь соединиться с основными силами окруженных.

- «Шершень», вас не слышу! Сильные помехи!

Из моего приемника тоже раздался треск и завывание. Я отвлекся от управления разошедшимися уже очень далеко друг от друга бомбардировщиками и сосредоточился на поиске источника помех. Похоже, противник, решил затруднить мне координацию действий авиагруппы. Внизу одновременно заработали девять генераторов помех, забивая известные немцам частотные диапазоны, на которых велся радиообмен между советскими летчиками. Проблема эта вылезла очень не вовремя, и хотя способ ее решения лежал на поверхности, мне требовалось время для перехода на заранее оговоренные резервные частоты и перестройки схемы передачи команд на ретрансляцию через спутники. А времени этого, как оказалось, у меня не было.

- «Шершень», ...сь «Акула-8»... атакован вра.....ребителем. Повреж.....ль. Теряю выс....

Я ругался про себя на трех языках, проклиная собственную тупость и непредусмотрительность. Как я мог проглядеть эти самолеты? Пять «дорнье», переоборудованных в ночные истребители, вошли в зону действия моих ТБ-7 и Ер-2. Связь, наконец, наладилась, но легче от этого не стало.

- Здесь «Акула-4». Веду бой с истребителем противника. Я ничего не вижу, а он стреляет прицельно! Сбрасываю остаток бомбового груза!.. Попадание в третий двигатель! Правое крыло горит! Падаем! Экипажу, покинуть самолет!

Откуда они здесь взялись? Я знал, что у немцев в составе сил противовоздушной обороны городов есть ночные истребители, но эти машины не могли действовать сами по себе, без наведения по радио с земли и без подсветки цели десятками, если не сотнями прожекторов.

- «Акулам» пять, девять и десять курс строго на восток! Третий и шестой – северо-восток! Бомбы не сбрасывать, они еще пригодятся, – я пытался вывести свои самолеты из-под удара, но вражеские «дорнье» тоже изменили курс, догоняя не слишком быстрые тяжелые бомбардировщики.

- Лейтенант, курс на юго-запад! – крикнул я Калине. Сейчас в небе над полем боя кроме моего Пе-2 никто не мог помешать немцам безнаказанно расстреливать наши ТБ-7 и Ер-2.

Я продолжал отдавать команды бомбардировщикам. На данный момент они уже освободились от двух третей бомбового груза, но целей внизу еще хватало, причем не просто хватало, а имелось в избытке.

- «Акула-б», три градуса влево. Приготовиться сбросить весь остаток бомб!

Я видел, что бомбардировщику от преследования не уйти – он забрался слишком далеко, и мой Пе-2 просто не успевал прийти к нему на помощь, но жестокая арифметика войны требовала от меня с максимальной эффективностью использовать бомбовый груз обреченной машины.

- «Акула-б», семьдесят метров вправо.... Сброс!.. Шестой, через пару минут вас атакует немецкий истребитель. Я постараюсь вас прикрыть, но мне нужно время. Противник зайдет сзади-снизу. Вы его не увидите, но по моей команде откроете заградительный огонь – пусть думает, что обнаружен. Ваша задача – продержаться десять минут.

- «Шершень», здесь «Акула-б». Принято. Жду приказа.

Моего внимания одновременно требовали восемь самолетов, и мне элементарно не хватало времени, чтобы разобраться с причинами происходящего. Я наскоро сформулировал вычислителю задачу проанализировать вооружение и оборудование истребителей противника. Они как-то ориентировались в полной темноте и при отсутствии связи с землей, а значит, имели на борту что-то такое,

что раньше немцами не применялось.

- «Акула-б», открыть заградительный огонь!

Я все-таки не успел. К моменту прибытия моего Пе-2 к месту воздушного боя, бомбардировщик уже горел, а экипаж покидал обреченный самолет. Уловка со стрельбой куда-то в сторону вражеского «дорнье» подарила ТБ-7 немного времени, заставив немца промахнуться в первом заходе и выстрелить не слишком точно во втором. Однако в третьей попытке вражеский пилот свой шанс не упустил.

* * *

Обер-лейтенант Беккер не слишком разбирался в стратегии и тактике действий наземных войск. Его стихией было небо, причем, как показала практика последних месяцев, именно ночное небо. Тем не менее, даже ему, пилоту ночного истребителя, быстро стало ясно, что на земле что-то идет не так, как того хотелось бы господам генералам.

Гул канонады доносился и с запада, и с востока. Радиоэфир был забит помехами, и команду на взлет Беккеру принес фельдфебель, присланный из штаба авиагруппы, к которой временно прикрепили его штаффель. Русские ночные бомбардировщики, о которых обер-лейтенанта предупреждал полковник Рихтенгден, уже висели над зоной боевых действий, и командиры наземных частей вермахта, не стесняясь в выражениях, жаловались на болезненные удары с воздуха. Судя по количеству и взаимному расположению пострадавших подразделений, Беккеру и еще четверем «дорнье» из его эскадрильи предстояло иметь дело с десятком-другим противников. Обер-лейтенанта это не смущало – в небе над немецкими городами ему приходилось встречаться с куда большим количеством англичан, а русские не ждут эффективного противодействия и станут легкой добычей.

Бодро разогнавшись по взлетной полосе, тяжелый двухмоторный истребитель оторвался от земли. Пожалуй, Беккер предпочел бы идти в бой на «мессершмитте» Vf.110, но их еще не успели оборудовать радиолокаторами, и приходилось довольствоваться тем, что имелось в наличии. «Дорнье» тоже показал себя неплохим бойцом в ночных условиях, и, по большому счету, обер-лейтенант своей машиной был доволен.

Сделав разворот над аэродромом, Беккер взял курс на место последнего авиаудара, информация о котором пришла всего за несколько минут до взлета. Остальные истребители его штаффеля получили другие цели – недостатка в них не было, разгневанные вопли из штабов всех уровней приходили по линиям связи непрерывным потоком, хотя, как подозревал Беккер, достучаться до узла связи его авиагруппы удавалось далеко не всем.

– Вот они! – коротко доложил обер-ефрейтор Гёнслер, – выполнявший одновременно функции борт-механика и радиооператора. Локатор их видит! Судя по размеру отметки, это четырехмоторный тяжелый бомбардировщик. У русских их всего несколько десятков. Будет большой удачей, если мы его завалим.

– Не если, а когда, Вильгельм, – усмехнулся Беккер. – Включай инфракрасный прожектор. Радиолокатор – штука хорошая, но ночной прицел дает больше деталей, хоть и действует на меньшем расстоянии.

– Комплекс «Спаннер-1» готов, герр обер-лейтенант, – сосредоточенно отозвался бортмеханик, проверив работу связки прицел-прожектор, – Противник меняет курс! Они пытаются уйти!

– Случайность, – отмахнулся Беккер. – Русские не могут нас видеть. У них нет ничего похожего на наше оборудование. Просто сменили курс для захода на следующую цель. Никуда они от нас не денутся – у «дорнье» скорость в полтора раза выше, чем у этого лаптя.

Далеко впереди земля покрылась вспышками взрывов.

– Ну, точно! – кивнул сам себе Беккер, – на новую цель заходили, потому и курс сменили. Жаль, не успели мы их свалить до того, как они отбомбились.

Вот он, русский бомбардировщик. Огромный, даже по сравнению с двухмоторным тяжелым истребителем, но это ему не поможет... В ночном прицеле самолет, подсвеченный инфракрасным прожектором, выглядел очень контрастно, и обер-лейтенант чуть приподнял нос своего самолета, вгоняя в прицел силуэт ТБ-7.

ТБ-7 (другие названия: Пе-8, АНТ-42) – советский тяжелый бомбардировщик дальнего действия. Максимальная скорость (на 1941 г) – до 350 км/ч. Бомбовая нагрузка до 5000 кг. Практическая дальность 3600 км. Практический потолок 9300 м. Стрелковое вооружение: четыре пулемета (ШКАС, УБТ), две пушки ШВАК (20 мм).

Внезапно впереди замелькали вспышки, и росчерки трассеров прочертили небо сначала справа и выше, а затем в десятке метров под самолетом Беккера.

– Шайсе, – выругался обер-лейтенант, дергая самолет в сторону и одновременно открывая огонь из курсовых пулеметов.

– Русские повреждений не получили, – с беспокойством в голосе произнес борт-механик. Курс не меняют. Похоже, они все-таки видят нас, герр обер-лейтенант.

– Если и видят, то плохо. Стрельба была неприцельной, но ты прав, они о нас знали.

Второй заход тоже не принес ожидаемого результата. На этот раз Беккер решил зайти сбоку, но тут русский бомбардировщик встретил его огнем сразу из двух пулеметов. Испытывать судьбу обер-лейтенант не стал, и, обстреляв противника с предельной дистанции, снова пристроился ему в хвост. Немецкий пилот чувствовал досаду. Он точно знал, что русские стрелки его не видят и палят просто «куда-то туда», но нарваться на шальную очередь Беккеру совершенно не хотелось.

Третий заход вышел удачнее. Кормовая пушечная установка бомбардировщика стреляла совсем не в тот сектор, откуда подбирался к своей цели «дорнье» Беккера, и обер-лейтенант открыл огонь почти в упор, всадив в огромную тушу русского самолета две длинные очереди.

– Горит! Русский горит! Поздравляю, герр обер-лейтенант!

– Их здесь еще много, Вилли. Сегодня у нас будет тяжелая ночь, – улыбнулся Беккер.

– Еще одна метка! – неожиданно изменившимся голосом выкрикнул бортмеханик. – Что-то небольшое, вроде нашего «дорнье».

– У русских есть двухмоторные дальние бомбардировщики. Кажется, Ер-2, или как-то так.

– Не похоже, герр обер-лейтенант. Скорость слишком большая. Он быстрее нас летит!

– Пе-2? Пикировщик? Русские изначально разрабатывали его, как высотный истребитель, а потом переделали в бомбардировщик, но приличная скорость у него осталась. Давай курс – будем валить.

– Он сам идет к нам, командир! – озадаченно ответил Гёнслер, – Дистанция километр.

– Вижу его! – русский самолет уже был вполне различим в ночном прицеле, – точно, Пе-2. Что-то уж больно смело он идет.

Обер-лейтенант Беккер был опытным пилотом, и излишней самоуверенностью не страдал. Он помнил, как странно вел себя экипаж сбитого бомбардировщика, откуда-то узнавший об опасности еще до того, как его «дорнье» открыл огонь. Немецкий пилот сделал выводы. Беккер решил, что у русских тоже появилось что-то вроде радиолокатора, но весьма несовершенного, не позволяющего точно определить направление на цель. Поэтому он просто сменил курс, чтобы атаковать Пе-2 сбоку.

– Русский тоже повернул! – тут же выкрикнул бортмеханик. – Дистанция четыреста!

– Спокойно, Вилли, – ровным голосом ответил Беккер, хотя сам уверенности уже не испытывал.

– Триста метров!

Впереди замелькали вспышки. Росчерки трассеров проходили впритирку к пилотской кабине. Беккер услышал резкие хлопки, которые ни один опытный пилот ни с чем не спутает – с таким звуком пули пробивают корпус самолета.

Вскрикнул бортмеханик. Мигнули и погасли неоновые лампы аппаратуры радиолокатора. Заглох и тут же вспыхнул правый двигатель, а безжалостные очереди русского стрелка продолжали бить в корпус и кабину самолета. Каким-то чудом в Беккера пока не попала ни одна пуля. Обер-лейтенант бросил взгляд на бортмеханика. Вилли был мертв, это не вызывало никаких сомнений, а избитый «дорнье» с каждой секундой терял управляемость.

– Экипажу покинуть машину! – Сам себе приказал Беккер.

Фонарь кабины отлетел в темноту, выбитый сработавшим пиропатроном. Невероятным усилием обер-лейтенанту удалось перевернуть горящий «дорнье», и он просто выпал из кабины вниз, в обжигающе холодный на этой высоте воздух.

– «Интересно, кто там внизу», – подумал Беккер, раскачиваясь под куполом парашюта. Попасть в руки большевиков ему совершенно не хотелось.

* * *

Бортовой радиолокатор, да еще и с ночным прицелом и инфракрасным прожектором в придачу! Вот зараза! Почему я об этом не знал? Наверное, потому, что уследить за всем просто невозможно. Немцы только что довели свой радар до рабочего образца. Этот «Лихтенштейн» еще даже в серию не пошел, и вот он здесь, под Киевом, вместо того, чтобы где-нибудь в небе Берлина защищать от налетов англичан столицу Рейха.

Немцы знали! Они ждали нас и готовились, а я не смог просчитать их планы, и это стоило и так поредевшей дальней авиации РККА новых потерь. Пять тяжелых дальних бомбардировщиков в обмен на три немецких «дорнье». Еще двое ушли – я просто не успел до них добраться...

– Товарищ старший майор государственной безопасности, задание выполнено. Бомбовые удары по штабам, узлам связи и ключевой инфраструктуре

противника нанесены. Потери авиагруппы – три ТБ-7 и два Ер-2. Уничтожено три ночных истребителя противника, оснащенных новейшим оборудованием, дающим им возможность атаковать наши самолеты без подсветки прожекторами и без команд с земли.

– Пять дальних бомбардировщиков? – было темно, но я заметил, как изменилось выражение лица Судоплатова. – Ты потерял половину доверенных тебе уникальных самолетов и докладываешь об успешном выполнении поставленной задачи?

– Задание выполнено, товарищ...

– Молчать! Старший лейтенант госбезопасности Нагулин, вы арестованы! Сдайте оружие.

Глава 4

– Товарищ нарком внутренних дел, ваш приказ выполнен. Старший лейтенант государственной безопасности Нагулин арестован мной лично прямо на аэродроме и доставлен в Москву.

– Очень хорошо, – кивнул Берия, внимательно глядя на Судоплатова. – Проходите, Павел Анатольевич, присаживайтесь. Я вижу, у вас есть вопросы по этому делу, и готов на них ответить.

– Да, собственно, вопрос-то у меня всего один, – Судоплатов пожал плечами и опустился на стул за столом для совещаний. – Зачем?

– Он опасен, – коротко ответил Берия, и выражение его лица старшему майору очень не понравилось.

– Полностью с вами согласен, Лаврентий Павлович, – твердо ответил Судоплатов, которого не так просто было привести в смущение, – он чрезвычайно опасен. Для наших врагов.

– Сейчас да, но это сейчас. Я смотрю на ситуацию шире и под другим углом зрения. В данный момент у Советского Союза и у гражданина Нагулина общий враг, и пока это так, он действует, как наш союзник, но он здесь чужой, Павел Анатольевич. Подумайте сами. Вы, я, все наши товарищи – советские люди, выросшие, получившие образование и сделавшие карьеру в СССР. Да, старшее поколение помнит царскую Россию, но это было давно. С тех пор изменилось само представление о жизни, сформировались новые ценности, и мы за эти ценности ведем беспощадную войну с врагом. Нагулин здесь чужой. Наш строй, все достижения Революции для него просто слова, за которыми ничего нет.

– Это не означает, что он враг, – не согласился Судоплатов.

– Не означает, – кивнул Берия, – но весь мой опыт подсказывает, что он воюет не за СССР, не за товарища Сталина, даже не за Россию. Нагулин преследует какие-то свои, только ему известные цели, а мы все для него являемся лишь средством их достижения.

– Не слишком ли жестко вы к нему подходите, Лаврентий Павлович? – осторожно возразил Судоплатов, но было видно, что слова наркома внутренних дел заставили его задуматься, – Его вклад в борьбу с врагом...

– Я знаю, – остановил подчиненного Берия, – если бы не это, он давно бы валил лес где-нибудь за Уралом или получил высшую меру – очень уж не по-советски он себя вел все это время. С учетом же заслуг, Нагулин сидит во вполне приличной одиночной камере на Лубянке, а следователям строго приказано не применять к нему никаких мер физического воздействия.

– И что дальше?

– А вот это будет зависеть от того, что произойдет в ближайшие дни. Как ни крути, пять тяжелых дальних бомбардировщиков твой Нагулин угробил, а результат их действий пока не вполне ясен. Там такая мешанина сейчас...

– Но ведь коридор к окруженным пробит!

– И какие у меня основания считать это заслугой Нагулина? Коридор пробивали наземные войска, и действительно пробит. А вот откуда там взялись немецкие ночные истребители, да еще оснащенные новейшими средствами радиолокации

и ночными прицелами? Молчите, Павел Анатольевич? А я отвечу. Немцы знали об операции Нагулина и готовили засаду, стоившую нам в итоге больших потерь. Здесь есть только два варианта – преступная ошибка или предательство. А мне еще товарищу Сталину об этом докладывать – самолеты авиации дальнего действия нам, между прочим, выделили под мою личную ответственность.

– Три истребителя Нагулин сбил лично, – не сдавался Судоплатов, которому арест подчиненного с самого начала встал поперек горла, но полученный приказ он исполнил без колебаний.

– Я знаю. В экипажах ТБ-7 были наши сотрудники, и подробную информацию о ходе операции я получил, когда бомбардировщики были еще в воздухе. Потому и отдал вам приказ арестовать Нагулина по формальному, но вполне весомому поводу. Поймите, Павел Анатольевич, мы не знаем предела его возможностей. В этом ночном бою он опять продемонстрировал способности, которыми нормальный человек обладать не может. У него ведь, в отличие от немцев, радиолокатора не было, а выслеживал он вражеские истребители, как будто его на них наводили по радио, да еще и днем при ясной погоде! Вы понимаете, что это значит? Никакие умения считать, анализировать и прогнозировать здесь бы не помогли. Он просто знал, где находятся немецкие самолеты! Знал, и все! А значит, он скрывает от нас часть своих возможностей. А зачем ему их скрывать, если он не враг?

* * *

– В других обстоятельствах, я мог бы вас поздравить, полковник. Вы провели блестящий анализ ситуации и точно предсказали планы русских.

– Спасибо, герр генерал, – ровным голосом ответил Рихтенгден, – К сожалению, верного прогноза действий русского стрелка для победы оказалось совершенно недостаточно. Это несколько расходится с тоном официальных сводок, но то, что произошло под Киевом, я не могу назвать иначе как катастрофой.

– Я не был бы столь категоричен, – досадливо поморщился генерал. – Скажем так, все могло быть гораздо хуже, и в том, что мы отделались только прорывом из котла примерно половины окруженных войск противника, есть немалая ваша заслуга. Атака ночных истребителей не смогла полностью сорвать планы русских, но она предотвратила уничтожение десятков наших штабов и узлов

связи и позволила оставшимся в живых генералам относительно быстро восстановить управление войсками.

– Оставшимся в живых... – медленно повторил Рихтенгден, словно бы пробуя эти слова на вкус. – Мы потеряли высших офицеров, прошедших Польшу и Францию, громивших англичан, сотнями тысяч окружавших и бравших в плен русских. Катастрофа именно в этом, герр генерал, а не в вырвавшейся из котла толпе деморализованных иванов, бросивших всю свою технику и артиллерию.

– Сбито пять русских бомбардировщиков, – сменил тему генерал, не желая продолжать неприятную дискуссию, – Нашими войсками взяты в плен восемь членов экипажей этих самолетов. Не всех удалось разговорить, но кое-что все же прояснилось. Вы опять были правы. Русский стрелок находился на борту одного из бомбардировщиков – на единственном Пе-2, задействованном противником в этой операции. Изначально он не должен был участвовать в нанесении бомбовых ударов, да и вообще в боевых действиях, но после появления наших «дорнье» взял на себя роль ночного истребителя, что послужило для наших летчиков крайне неприятным сюрпризом.

– Я в курсе наших потерь, герр генерал, – кивнул Рихтенгден.

– Потери не были напрасными, полковник. Сбитые пилоты противника подробно рассказали о том, как русский корректировщик руководил действиями бомбардировщиков. Скажу честно, это отдает мистикой и вызывает желание попросить у рейхсфюрера СС Гимmlера разрешения обратиться за помощью в его «Аненербе», – генерал едва заметно усмехнулся. – Ни на Пе-2, ни на тяжелых бомбардировщиках не было ничего похожего на радиолокатор, однако у всех пленных летчиков сложилось впечатление, что их наводили на цели с помощью какого-то невероятно точного устройства, которое «видело» не только самолеты противника, но и распознавало цели на земле.

– Не думаю, что такое устройство существует, – покачал головой Рихтенгден.

– Я тоже, – согласился генерал, – вернее, оно существует, но в единственном экземпляре. Я убежден, что русский стрелок сам является этим устройством.

– Если это так, а я склонен согласиться с вашим выводом, то не вполне ясно, что нам делать дальше. При таком раскладе мы можем ожидать сокрушительных

ночных ударов в любой точке фронта и даже в нашем тылу. Герр генерал, вы хорошо представляете себе последствия прямого попадания двухтонной бомбы с русского ТБ-7 в какой-нибудь из наших стратегических объектов? А этот самолет способен нести их две...

– Есть одна зацепка, полковник. Я говорил вам, что агентурной разведке дано задание установить личность и местонахождение русского стрелка. В быстрый результат я не верил, но иногда случаются и приятные неожиданности.

Рихтенгден ничего не ответил, но чуть подался вперед, внимательно слушая генерала.

– Случайность, конечно, но она хороша тем, что сыграла в нашу пользу. В обслуге аэродрома, откуда вылетал Пе-2 с русским стрелком, оказался наш агент. Мелкая сошка, в общем-то, но с мозгами и фантазией, хотя эти подробности не важны. Главное, ему удалось подслушать разговор стрелка с неким старшим майором НКВД, судя по всему, его непосредственным начальником, причем разговор исключительно важный. Стрелок доложил о выполнении задания и потере пяти бомбардировщиков, после чего майор его арестовал. Странное решение, с учетом явного успеха действий стрелка, но нам оно только на руку. Кроме того, теперь мы знаем фамилию и звание нашего фигуранта – старший лейтенант госбезопасности Нагулин. По косвенным данным, собранным все тем же агентом, арестованного стрелка отправили самолетом в Москву. У нас есть агент на Лубянке, но это очень ценный кадр – глубокое внедрение начала тридцатых годов. Должность не самая высокая. Тем не менее, у него есть доступ к серьезным документам, и информацию о Нагулине он добыть сможет. Мы, естественно, стараемся задействовать такого специалиста только в исключительных случаях, но сейчас как раз такой и есть. Фюрер в ярости. Он объявил русского стрелка своим личным врагом, вызывал герра адмирала к себе, и тот, судя по всему, услышал от Фюрера не самые приятные слова о нашей службе. В общем, санкция на подключение к работе агента «Гость» у нас теперь есть, и задача ему уже поставлена, причем очень жестко. Нагулина необходимо ликвидировать. «Гостю» переданы контакты нескольких «спящих» агентов в Москве. Он должен собрать из них группу и подставить стрелка под их удар. Если это не сработает, ему придется устранить Нагулина лично.

– А какова здесь моя роль, герр генерал? – Вы ведь не зря все это мне рассказываете.

– Стрелок не будет долго сидеть под арестом. Русские, конечно, очень любят по любому поводу обвинять в шпионаже и измене своих же товарищей, но не до такой же степени! Нагулин для них ценен, и слишком много сделал для СССР, чтобы просто так его шлепнуть. В общем, «Гость» может и не успеть, и тогда стрелок вновь появится на фронте, и я хочу, чтобы мы были к этому готовы. Думайте, полковник. Думайте и готовьтесь. Вы уже не раз правильно предугадывали действия противника, и сейчас я жду от вас столь же точного прогноза.

* * *

Совершенно неожиданно у меня появилось много свободного времени. В первый день следователи еще проявляли какую-то активность, дергая меня на допросы, где я подробно отвечал на их вопросы о ходе операции, целях бомбовых ударов и обстоятельствах потери мной пяти самолетов.

Следователи попадались разные, и хотя вел я себя подчеркнуто корректно и отвечал на все вопросы максимально полно, у некоторых из них явно чесались руки надавать мне по шее для стимулирования процесса чистосердечного признания. Тем не менее, никто меня и пальцем не тронул. Мало того, задавая мне всякие нехорошие вопросы, сотрудники НКВД даже голос повышать не пытались, что, видимо, стоило им немалых усилий, так что на второй день я оказался предоставленным самому себе – допросы прекратились.

Судоплатов больше не появлялся. Я так и не понял, сам он принял решение о моем аресте, или получил приказ сверху. Впрочем, сейчас это было уже не слишком важно – даже если инициатива исходила от старшего майора, наверху ее явно одобрили.

Некоторое время я потратил на наблюдения за последствиями своих ночных действий. Нанесенные нами бомбовые удары на некоторое время дезорганизовали систему управления немецкими войсками под Киевом. Этого хватило, чтобы танковые бригады, приданные сороковой и двадцать первой армиям, пробились к окруженным, а подтянувшаяся пехота смогла укрепить стенки узкого коридора, по которому немедленно начали выходить из котла предельно измотанные остатки пятой, тридцать седьмой и двадцать шестой армий.

Уйти, к сожалению, удалось не всем. Части РККА, находившиеся в малом котле под Лохвицей, смогли прорваться к основным силам окруженных, но немцы довольно быстро закрыли образовавшуюся брешь, и отрезанным войскам помочь не мог уже никто – просто не было сил. Полностью эвакуировать основной котел тоже не удалось. Кому-то пришлось остаться, чтобы прикрывать отход, да и противник после прекращения бомбовых ударов с каждым часом все быстрее приводил в порядок линии связи и восстанавливал командную вертикаль.

Коридор продержался всего сутки, но этого хватило, чтобы вывести из котла около ста тысяч человек. Эти войска, к сожалению, были абсолютно небоеспособны. Их требовалось срочно отвести в тыл на переформирование, так что помочь понесшим потери сороковой и двадцать первой армиям они почти ничем не могли. Немцы же, озверев от полученной оплеухи, предприняли контрудар и сильно потеснили наши соединения на внешнем фронте окружения, окончательно решив судьбу почти ста тысяч красноармейцев и командиров, не успевших выйти из Киевского котла.

Подумав немного над сложившейся ситуацией, я решил ничего не предпринимать. Немедленно расстреливать меня явно не собирались, обвинений в измене я тоже так и не услышал, хотя намеки на это в словах следователей и проскальзывали, но кому в таком деле интересны намеки? В общем, я решил потратить появившееся время на обдумывание дальнейших планов, на случай, если меня отсюда все же выпустят.

Еще бегая вместе с Игнатовым по лесам и полям под Уманью, я решил, что этому миру нужен Космос. Вот именно так, с большой буквы. Это единственный известный мне способ если и не предотвратить, то хотя бы отсрочить гибель местной цивилизации, свернуть ее в сторону с пути самоуничтожения, которым до нее уже прошли десятки других миров, включая, к сожалению, и мою Шестую Республику.

Сейчас об этом, конечно, говорить рано. Люди на Земле нашли себе увлекательнейшее занятие – Вторую мировую войну, но как это ни печально, именно война всегда дает мощный толчок технологиям, и упускать такую возможность было бы нелепо.

Могу ли я подтолкнуть развитие именно той сферы научных и инженерных разработок, которая в дальнейшем выведет людей в космос? Думаю, да. Конечно, ни о какой прямой передаче чудо-устройств инопланетного

происхождения речи не идет, но у меня хватает и других возможностей. В некоем обозримом будущем, я, несомненно, задействую имеющиеся в моем распоряжении высокотехнологичные материалы и изделия для обеспечения мощного научного прорыва, но сделаю я это не раньше, чем буду уверен в полном контроле над ситуацией. Ни товарищ Сталин, ни, тем более, Гитлер или Рузвельт с Черчилем никаких внеземных артефактов не получают, по крайней мере, пока именно им принадлежит власть над соответствующими частями планеты.

Тем не менее, Советскому Союзу я помогать буду. Изначально я выбрал именно эту страну, как обладающую самой большой территорией на Земле, а также богатейшими природными и людскими ресурсами. Кроме того, СССР смог подняться на приличный по здешним меркам уровень индустриализации. При этом он управлялся не аморфным демократическим механизмом, а не слишком эффективным в экономическом плане, но зато хорошо отлаженным тоталитарным режимом. Правда, сейчас ко всем этим соображениям добавился еще один важный фактор – люди. Не людские ресурсы, а именно живые люди, с которыми я вместе шел в бой, защищая их Родину и постепенно начиная относиться к ней, как к своей.

Ладно, опустим лирику. Итак, что нужно человечеству на данном этапе, чтобы приблизить выход в космос? Ответ очевиден – все, что связано с реактивным движением и ракетными технологиями. В идеале стоило бы обратиться к историческому опыту моей Шестой Республики, но в памяти вычислителей спасательной капсулы и спутников никакой информации о том периоде развития техники не нашлось, а сам я оружием и технологиями докосмической эры никогда не интересовался, так что придется использовать местные наработки.

Поехали. Что мы имеем здесь и сейчас? Я открыл интерфейс поиска и зарылся в базы данных сети спутников. Выборка по странам продемонстрировала мне повсеместный и всеобъемлющий примитив в искомой области, что, впрочем, для этого уровня развития совершенно нормально.

СССР, к сожалению, оказался в ракетном деле далеко не в первых рядах, хотя кое-какие подвижки имелись и здесь. Вспомним, к примеру, дивизион БМ-13, накрывший реактивными снарядами немецкий моторизованный батальон, и спасший, тем самым, мой взвод под Уманью. Но это далеко не все. Велись в Советском союзе работы и над турбореактивными двигателями, но с началом

войны все они были свернуты. Правда, еще в тридцать третьем году, как раз в год прихода Гитлера к власти, в Москве по приказу Реввоенсовета был основан Реактивный научно-исследовательский институт, переименованный в тридцать седьмом в НИИ-3.

Люди в этом заведении собрались разные, однако нашлись среди них и несомненные таланты. Занимался институт созданием двигателей и ракет на твердом и жидком топливе и, в первую очередь, естественно, вел разработки для армии. Помимо уже упомянутых реактивных снарядов, третий отдел института занимался крылатыми ракетами.

С этого места мне стало заметно интереснее. Первый полет «ракеты 212» состоялся в начале тридцать девятого года, а через полтора месяца были проведены повторные испытания. На удивление, крылатая ракета имела даже собственный блок управления на основе гироскопического автомата стабилизации, а дальность ее полета составляла восемьдесят километров. На это расстояние она могла забросить боеголовку весом до тридцати килограммов. Не так много, да и точность, несмотря на гироскопы, оставляла желать лучшего, но разработка являлась, несомненно, перспективной, и я был удивлен тем, что исследования на этом и остановились.

Причина выяснилась довольно быстро. Главный конструктор «ракеты 212» Сергей Павлович Королев был арестован летом тридцать восьмого года, как и многие другие работники НИИ-3. До испытаний ракету довели уже без него, а дальше, видимо, старые наработки закончились, а двигаться вперед без идей Королева изрядно поредевший коллектив оказался не в состоянии.

Конструктора обвинили во вредительстве и участии в троцкистской организации. Свидетелями и обличителями, как водится, стали его же коллеги из института. Королев прошел Бутырскую тюрьму в Москве, пересыльный пункт в Новочеркасске, и в апреле тридцать девятого года, всего через полтора месяца после второго испытательного полета разработанной им крылатой ракеты, конструктор оказался на Колыме на золотом прииске Мальдяк.

После многочисленных злоключений и тяжелой болезни Королева перевезли обратно в Москву, где его дело было пересмотрено. Новый суд состоялся в сороковом году. Конструктор был приговорен к восьми годам заключения и его поместили в спецтюрьму НКВД, где вместе с другим заключенным, Андреем Николаевичем Туполевым, Королев занимался разработками самолетов Ту-2 и

Пе-2, того самого, на котором я летал в разведку и на сопровождение бомбардировщиков.

Я взял себе эту историю на заметку и решил вернуться к ней позже. Крылатые ракеты, конечно, штука очень серьезная, но к таким разработкам меня никто допускать не станет – рылом не вышел. Сначала нужно доказать свою состоятельность на чем-то более простом и, вместе с тем, востребованном в данный момент.

Следующим объектом моего интереса стала Германия. Здесь разработки шли заметно бодрее. Еще в начале лета тридцать девятого состоялся первый в истории человечества полет реактивного самолета «хейнкель» He-176, а всего месяц назад, первого сентября сорок первого, свой первый вылет совершил ракетный перехватчик «мессершмитт» Me-163. Летные характеристики этих аппаратов, прямо скажем, не слишком впечатляли. Что можно сделать за восемь минут в воздухе? А на большее просто не хватало топлива. Зато прямо сейчас на заводах фирмы «Мессершмитт» готовился к испытаниям опытный образец экспериментального истребителя «Me-262» с двумя турбореактивными двигателями BMW-003. До серийного производства немцам было еще далеко, но где-нибудь через год они вполне могли рассчитывать получить очень серьезную машину, способную поставить массу неприятных вопросов перед врагами Рейха.

Очень перспективно, но опять слишком сложно для того, чтобы с этого начинать. Смотрим дальше. Кроме самолетов немцы не забыли и о реактивных снарядах. Свой шестиствольный «небельверфер» они разработали еще в начале тридцатых годов. Изначально он создавался для стрельбы дымовыми и химическими снарядами, но в реалиях Второй мировой войны использовались только осколочно-фугасные. Конструктивно немецкие снаряды отличались способом стабилизации в полете, но ничего особо прорывного для этой эпохи гансы не придумали, и их система в целом оказалась хуже русской «Катюши», даже несмотря на более высокую кучность стрельбы. Для меня «небельверфер» пока очевидно бесполезен. Отложим его в сторону.

Так, теперь гордые британцы. Чем они у нас в реактивной области занимаются? Ну вот, опять самолеты. Первый полет «Глоссер Метеор Mk.1» состоялся в мае сорок первого. Турбореактивный двигатель у англичан есть, но от немцев островитяне явно сильно отстают, хотя в целом идут тем же путем. Не интересно. Что у них с реактивной артиллерией? Аналогов «Катюш» и «небельверферов» у них нет... О! Зенитные ракеты! К сожалению,

неуправляемые и до безобразия примитивные – пригодны только для ведения заградительного огня. В общем, мусор.

Как ни странно, оригинальная разработка в области реактивной авиации нашлась даже в Италии. Их «Капрони Кампини N.1» со странным гибридом поршневого и реактивного двигателей даже сумел совершить успешный полет, однако кроме печальной улыбки эта конструкция никаких эмоций не вызвала и оказалась для меня еще более бесполезной, чем британские зенитные ракеты.

Ладно, оставим Европу. Что у нас творится за океаном? Реактивными самолетами ВВС США не заинтересовались. В тридцать девятом фирма «Локхид» попыталась было обратиться к ним за финансированием исследований в этой области, но получила отказ. На этом все и застопорилось. Сейчас, правда, американские военные вроде бы начали менять свое мнение, но пока ничего стоящего так и не сделали. Реактивная артиллерия тоже на зачаточном уровне, хотя потенциал кое-какой имеется... Так, а это что? Вот такого на данный момент нет больше ни у кого! Пехотный противотанковый гранатомет M1, он же «базука».

Кумулятивная граната с ракетным двигателем, калибр шестьдесят миллиметров, эффективная дальность стрельбы сто тридцать метров. Конструкция... Н-да. Однако все могло быть и хуже. Для РККА и советской промышленности в таком виде, конечно, не подойдет, но на то у меня и есть вычислители...

Мои размышление прервали лязг засова и скрип открывающейся двери.

– Арестованный Нагулин, на выход!

* * *

– Как продвигается следствие по делу Нагулина? – Берия выглядел усталым.

– Показания с него сняты четырьмя следователями, – четко ответил Судоплатов. – Вопросы формулировались так, чтобы было непонятно, что именно нас в наибольшей степени интересует. Ответы Нагулин давал подробные и развернутые. Сразу после завершения допросов мы начали работу с летчиками и штурманами уцелевших бомбардировщиков, а также с теми, кто выжил из экипажей сбитых машин. Сейчас их опрос уже завершен. Проводим детальный анализ. На первый взгляд, показания Нагулина их словам не противоречат.

- Предварительные выводы есть?

- Так точно, - кивнул Судоплатов, - Нагулин придерживается версии, что не знал о немецких ночных истребителях, и начал реагировать на их появление только после сообщения по радио о нападении на бомбардировщики.

- Как он находил и сбивал немцев? - Берия слегка прищурился под стеклами пенсне.

- Он утверждает, что выходил в район действий истребителей противника, ориентируясь на известное ему текущее положение атакованных ТБ-7 и Ер-2. Ну а дальше вступало в действие его феноменальное ночное зрение, исключительные возможности которого подтвердили наши медики. Но даже эти возможности не беспредельны. Именно по этой причине он не смог сбить все «дорнье». Двоих он просто не нашел.

- Откуда немцы узнали об операции?

- На этот вопрос точного ответа у Нагулина нет, кроме его заверения, что никому из посторонних о предстоящем вылете он не сообщал. Тем не менее, он высказал предположение, что немцы сами могли прийти к выводу о возможности применения нами под Киевом ночных бомбардировщиков, поскольку мы однажды уже продемонстрировали им нечто подобное при эвакуации группы капитана Щеглова.

Берия молча встал и прошелся по кабинету.

- Три часа назад я был у Верховного, - негромко произнес нарком. - Докладывал об операции и о потерях.

При упоминании Сталина Судоплатов тоже поднялся и повернулся к Берии в ожидании продолжения, но нарком молчал, и Павел Анатольевич решился задать интересовавший его вопрос.

- А об аресте Нагулина вы тоже доложили, товарищ...

- Пока не доложил, - прервал его Берия. - И, видимо, уже и не придется.

- Что-то произошло?

Берия молча подошел к своему столу и взял с него лист бумаги с отпечатанным на нем текстом.

- Ознакомьтесь, Павел Анатольевич. Это пришло сегодня днем по дипломатическим каналам.

С минуту Судоплатов внимательно читал машинописный текст, после чего поднял удивленный взгляд на Берию.

- Лаврентий Павлович, эта информация проверена?

- К настоящему моменту она подтверждена и другими источниками.

- Но это же...

- Да. Вы все понимаете правильно. Товарищ Сталин лично поздравил меня с успехом операции и просил проследить за тем, чтобы все ее участники были представлены к государственным наградам. Под бомбами авиагруппы Нагулина погибло шесть немецких генералов, и среди них родоначальник немецких танковых войск, символ стратегии молниеносной войны генерал-полковник Гудериан.

- Нагулин ликвидировал «быстроходного Гейнца»? - переспросил Судоплатов, до сих пор не веря до конца в услышанное.

- Именно так, Павел Анатольевич, именно так.

- И что теперь?

- Забирайте вашего подчиненного у следователей, - пожал плечами Берия. - Дело прекратить за отсутствием состава преступления.

– Ты еще и рисуешь? – правая бровь Лены поползла вверх, когда она увидела меня за столом с карандашом и линейкой в руках, сосредоточенно вычерчивающим что-то на листе бумаги.

Я отложил карандаш и посмотрел на только что проснувшуюся подругу. Судоплатов дал мне два дня отпуска, который удивительным образом совпал с увольнительной, предоставленной сержанту Серовой за успехи в боевой и политической подготовке. За пределы охраняемого периметра мне, правда, выходить запретили, и, узнав об этом, Лена тоже предпочла остаться на казарменном положении, в моей комнате.

– Это не рисунок, – улыбнулся я, глядя на ее удивление, – Возникла одна идея, и я пытаюсь сделать чертеж. Честно говоря, никогда раньше этим не занимался, поэтому получается с трудом. Вот, нашел в библиотеке руководство по черчению. Осваивать приходится прямо по ходу работы.

– И что это такое? – Лена выглядела немного разочарованной, и я еще раз улыбнулся, но теперь уже про себя.

– Пока только сырые наброски, – ответил я уклончиво, – Сделаю – покажу. Давай я лучше твой портрет нарисую.

– А сможешь? – подруга посмотрела на меня с легким недоверием.

– В детстве рисовал вроде неплохо, – пожал я плечами.

– Ну, попробуй. Только подожди, я сейчас себя в порядок приведу.

Этот процесс оказался небыстрым и потребовал от Лены посещения ее комнаты, так что у меня образовалось еще почти сорок минут, которые я использовал на борьбу с карандашом и листом бумаги. Хорошо, что мне помогал вычислитель и импланты, иначе изготовление эскизов потребовало бы куда больше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Людвиг Беккер (22 августа 1911 г. – 26 февраля 1943 г.). Один из лучших пилотов ночных истребителей люфтваффе, ставший разработчиком тактики противодействия ночным налетам английских бомбардировщиков на Германию. Участвовал в испытаниях первых радиолокаторов. Одержал первую победу с применением «темного перехвата» (с использованием радара). На счету Беккера около тридцати уничтоженных бомбардировщиков противника. Погиб Беккер из-за ошибки командования, решившего привлечь ночные истребители к отражению дневных атак американских бомбардировщиков. 26 февраля 1943 г. двенадцать ночных истребителей атаковали над Гельголандской бухтой группу тяжелых бомбардировщиков В-24 «либерейтор». Единственным сбитым немецким истребителем в этом бою стал самолет командира – гауптмана Беккера. Американцы потеряли семь бомбардировщиков. В дальнейшем ночные истребители люфтваффе понесли значительные потери, поскольку ошибочный приказ об их использовании днем так и не был отменен.

Купить: https://telnovel.com/glebov_maks/strategiya-vozdeystviya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)